

Соколов В. А. Торжество 500-летия со дня блаженной кончины преподобного Сергия // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 12. С. 443–471 (2-я пагин.).

Торжество пятисотлѣтія со дня блаженной кончины Преподобнаго Сергія.

„Одинъ разъ, глубокимъ вечеромъ, преподобный стоялъ въ своей келліи на своемъ обычномъ правилѣ и молился о братіяхъ монастыря, да Господь поспѣшитъ имъ, какъ выражается жизнеописатель, „во обхожденіяхъ дневныхъ и преспѣваніяхъ“: вдругъ слышитъ онъ зовущій его голосъ: „Сергій!“ Удивляясь необычному въ ночи зову, онъ сотворилъ молитву и открылъ оконце келліи, чтобы видѣть: кто зоветъ. И вотъ видитъ онъ чудное видѣніе: на монастырѣ предъ нимъ необыкновенный свѣтъ, который былъ ярче даже дневнаго свѣта; а голосъ въ другой разъ возглашаетъ: „Сергій! ты молишься о своихъ чадахъ, и Господь принялъ твою молитву,—смотри, какое множество иноковъ сошло во имя святыхъ и живоначальныхъ Троицы въ твою паству и подъ твое руководство“. Преподобный Сергій посмотрѣлъ,— и видитъ множество птицъ „зѣло красныхъ“, которыя не только наполняли весь монастырь, но летали и кругомъ его. Голосъ сказалъ: „какъ видишь ты этихъ птицъ, такъ умножится стадо учениковъ твоихъ, и по тебѣ не оскудѣютъ они, если восхотятъ послѣдовать стопамъ твоимъ“¹⁾).

Пять вѣковъ съ той поры непрерывно исполнялось и исполняется пророчесвенное видѣніе. Скудная обитель Сергіева возросла въ знаменитую лавру, которая никогда не оскудѣваетъ иноками и неизмѣнно привлекаетъ къ благодатной гробницѣ Преподобнаго многія тысячи православ-

¹⁾ Е. Голубинскій. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра Стр. 48–49.—Сергіевъ посадъ 1892.

ныхъ благочестивыхъ людей, желающихъ, по мѣрѣ силъ своихъ, послѣдовать стопамъ его, а въ только что минувшій знаменательный день, посвященный памяти Преподобнаго, чудное видѣніе какъ-бы снова повторилось на нашихъ глазахъ. Никогда обитель Сергіева не видѣла у себя такого великаго сонма святителей и иноковъ и всякаго рода православныхъ людей, какъ въ этотъ приспомятныи день. Какъ чудесныя птицы видѣнія слетѣлись они сюда обильными стаями со всѣхъ концовъ Руси великой, наполнили священную ограду обители и оживленно парили кругомъ ея. Не „зѣло красны“ въ большинствѣ своемъ были эти птицы по внѣшности: въ убогихъ армякахъ и понѣвахъ, въ потрепанныхъ лапоткахъ, согбенные подъ тяжестью котомокъ, не могли они привлечь чьего-либо взора своею красотою: но „зѣло красны“ они были тою горячею вѣрой, которая побудила ихъ пройти сотни и тысячи верстъ, которая дала имъ силу и твердость безропотно перенести всѣ лишеныя долгаго и скуднаго пути, которая яркимъ пламенемъ свѣтила въ ихъ благоговѣйномъ взорѣ, устремленныхъ на святыню, очей, въ ихъ кроткомъ умиленномъ словѣ, и въ широкомъ взмахѣ ихъ дрожащей руки, совершавшей крестное знаменіе.

Раннее утро 24-го сентября, — канунъ великаго дня. Послѣ очень холодной ночи, густая туманная мгла окутывала посадъ и его окрестности и тяжелыя, съ свинцовымъ оттѣнкомъ, облака заволакивали почти весь небосклонъ; но стоило лишь солнечнымъ лучамъ прорваться блестящей полосою, какъ мгла разсѣялась и тучи разбѣжались и засіялъ прекрасный теплый день. И тѣмъ ярче казалось сіяніе солнца, тѣмъ ограднѣе было встрѣтить горячую ласку его лучей, что заблестѣло оно послѣ тучъ и тумана. Невзгоды и бѣдствія, матеріальныя и нравственныя, нерѣдко такъ омрачаютъ народную жизнь, что нѣтъ въ ней какъ-будто никакого просвѣта и представляется она лишь сплошною сѣрою картиной, почти непрогляднаго, духовнаго тумана; но случится какъ нибудь неожиданный—негаданный толчекъ и вдругъ проснется задремавшій богатырь и явитъ такую силу, развернетъ такую мощь, что сущимъ ничтожествомъ покажутся всѣ его прежнія невзгоды. Одишь такой моментъ духовнаго пробужденія и просвѣтлѣнія стоитъ подчасъ

цѣлыхъ десятковъ лѣтъ обычнаго застоя и благо тому народу, которому часто выпадаетъ на долю переживать подобные моменты. Тѣмъ и дорого было недавнее лаврское торжество, что его смѣло можно признать однимъ изъ такихъ знаменательныхъ моментовъ въ нашей народной жизни. Чего-чего не писали и не говорили въ послѣднее время о печальномъ религіозно-нравственномъ состояніи русскаго народа. Тлетворныя вліянія разныхъ незваныхъ проповѣдниковъ, и иностранныхъ и отечественныхъ, настолько будто-бы поколебали его, что почти совсѣмъ утратилъ онъ свою исконную православную вѣру и если прямо не пошелъ еще по стопамъ своихъ лжеучителей, то стоитъ на распутьи, одолеваемый сомнѣніями, равнодушный ко всему, что прежде считалъ святыней, и почти готовый остаться безъ всякой вѣры. Но вотъ ему напомнили о дорогомъ и близкомъ его сердцу великомъ праведникѣ и встрепенулся могучій богатырь и показалъ онъ міру, что сильна еще въ немъ вѣра православная и не утратилъ онъ способности всецѣло отдаться высокому религіозному порыву. Въ великій день вся стомилліонная Русь едиными усты и единымъ сердцемъ слилась въ горячей молитвѣ къ своему благодатному заступнику. По всѣмъ концамъ ея необъятной шири пронесся торжественный звонъ, пошли крестные ходы, раздались молебныя пѣнія. Но нигдѣ, конечно, этотъ мощный подъемъ народнаго духа, этотъ высокій религіозный порывъ, не выразился съ такою силой, какъ въ сердцѣ Россіи— въ первопрестольной Москвѣ и подлѣ той святой обители, которую Преподобный Сергій избралъ мѣстомъ и трудовъ своихъ подвижническихъ и своего упокоенія.

Еще съ 23-го числа въ Сергіевскомъ посадѣ стало замѣтно не обычное оживленіе. Тысячи народа съ каждымъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ прибывали изъ Москвы, а по всѣмъ шоссеинымъ и проселочнымъ путямъ, въ особенности-же по московской и владимірской дорогѣ, тѣмъ временемъ тянулись нескончаемыя вереницы пѣшихъ богомольцевъ и богомолковъ. Гостинницы монастырскія и частныя быстро наполнялись и не много было въ посадѣ такихъ домовъ и квартиръ, обитатели которыхъ не пріютили-бы у себя на это время какихъ-либо своихъ родныхъ или знакомыхъ. Раскрылъ свои двери и лаврскій большой страннопримный

домъ, только-что отстроенный и освященный ко времени праздника, для безмезднаго пріюта и ночлега бѣдному люду. Подлѣ этого дома, а также и на прежнемъ обычномъ мѣстѣ у трапезной церкви, поставлены длинные столы, за которыми, въ нѣсколько смѣнъ, усаживаются обоюга пола богомольцы и, по священному завѣту милостиваго страннолюбца преп. Сергія, получаютъ здѣсь въ опредѣленное время даровую трапезу, состоящую изъ щей и каши, кромѣ хлѣба и кваса. Улицы и площади посада, благодаря постоянно прибывающимъ отовсюду толпамъ, съ каждымъ часомъ становятся многлюднѣе и оживленнѣе. Богомольцы толпятся у базарныхъ лавокъ, покупаютъ себѣ образки, четки и назидательныя книжки и съ напряженнымъ вниманіемъ разсматриваютъ въ святыхъ воротахъ развѣшанныя картины, изображающія разныя событія изъ жизни преп. Сергія, или изъ исторіи знаменитой лаврской осады. Какой нибудь грамотѣй съ набожной важностью прочитываетъ вслухъ находящіяся подъ картинами надписи, а собравшіеся подлѣ него слушатели тотчасъ-же спѣшатъ подѣлиться впечатлѣніями, или скромно, съ сокрушеннымъ вздохомъ, высказываютъ въ общее назиданіе свои благочестивыя размышленія. Въ стѣнахъ монастыря вереницы богомольцевъ тянутся по церквамъ и соборамъ, благоговѣнно созерцая лаврскія святыни и преклоняя колѣна предъ святыми мощами угодниковъ Божіихъ. Тихою сердечною вѣрой и мирнымъ благочестивымъ настроеніемъ вѣяло отъ этихъ простыхъ людей; но невольно чувствовалось, что подъ этою скромной и часто убогой оболочкой таится великая сила, которая несокрушимо-твердо вынесла и способна вынести всякія невзгоды, какъ легко и благодушно несетъ она тяжелую котомку своего добровольнаго подвига.

Когда при голубыхъ небесахъ и яркомъ блескѣ солнечныхъ лучей наступило утро 24-го числа, весь посадъ принялъ велелый праздничный видъ. Дома разукрасились флагами, а Московская улица и путь, ведущій черезъ площадь къ монастырскимъ воротамъ, были усыпаны пескомъ, или цвѣтами и зеленью. И мѣстные жители, и московскіе пріѣзжіе, и пѣшеходы-богомольцы, какъ изъ окрестныхъ деревень, такъ и изъ дальнихъ губерній, всѣ потянулись почти сплошною толпою къ окраинѣ посада по направленію къ

Москвѣ. Народъ расположился по обѣимъ сторонамъ дороги; не только всѣ окна попутныхъ домовъ, но часто даже заборы и крыши были заняты людьми; а многія толпы двинулись совсѣмъ за городъ и пестрыми живописными группами разсыпались по московскому шоссе на пространствахъ четырехъ или пяти верстъ за посадомъ. Вся эта народная масса въ торжественно-благоговѣйномъ настроеніи часто и напряженно устремляла свои взоры вдаль по шоссе: она ждала оттуда появленія тѣхъ мирныхъ крестноносцевъ, которые, три дня тому назадъ начавъ свой славный семидесятиверстный путь, въ двѣнадцать часовъ должны были приблизиться къ воротамъ лавры. И было что посмотреть при встрѣчѣ этого знаменитаго крестнаго хода! Кого сподобилъ Господь быть участникомъ или свидѣтелемъ этого чуднаго зрѣлища, тотъ никогда, конечно, не забудетъ пережитыхъ имъ высокихъ впечатлѣній. Не красивую только торжественную церемонію представлялъ собою этотъ ходъ; нѣтъ, со стороны торжественности онъ совсѣмъ не поражалъ зрителя, какъ что-либо грандіозное. Москва, по крайней мѣрѣ, часто видала и видитъ крестные ходы съ большимъ количествомъ и хоругвей и духовенства; въ немъ не было даже и того, что, на взглядъ москвича, составляетъ какъ-бы необходимую принадлежность всякаго торжественнаго крестнаго хода,—не было видно во главѣ его ни архіерея, ни архимандрита. Но при всемъ томъ можно смѣло сказать, что другаго столь-же величественнаго хода никому изъ зрителей никогда не удавалось видѣть на своемъ вѣку. Не въ размѣрахъ и блескѣ процессіи заключалось его величіе, а въ необычайномъ подъемѣ религіознаго духа, въ томъ, почти до восторга доходившемъ, возбужденіи, какимъ дышала вся составлявшая его народная масса, и которое производило на зрителей неотразимое потрясающее впечатлѣніе. Это былъ всенародный молитвенный подвигъ, въ которомъ обычная форма крестнаго хода послужила лишь пунктомъ, подлѣ котораго сосредоточился и въ которомъ нашелъ себѣ выраженіе высокій религіозный порывъ.—Прежде чѣмъ священная процессія впервые показала изъ за лѣса, впереди ея послышались уже торжественные звуки пѣсповѣній,—то пѣлъ огромный женскій хоръ, составившійся изъ богомолокъ. Опираясь на длинныя палки, съ котомками на плечахъ,

шли онѣ большою тѣсною толпой. Забыли онѣ всякую усталость минувшаго долгаго пути, забыли холодныя ночи, которыя многимъ изъ нихъ пришлось проводить подъ открытымъ небомъ. Съ какою-то необычною величавостію мѣрно шествуютъ онѣ, вперивъ благоговѣйный взоръ въ сіяющія на солнцѣ золоченыя главы святой обители. Какъ будто ничего другаго не видятъ онѣ, кромѣ этой влекущей ихъ къ себѣ святины, а изъ глубины благочестиваго сердца несется тѣмъ временемъ вокругъ по полямъ ихъ восторженная громкая пѣснь: „преподобне отче Сергіе моли Бога о насъ!“ Немного спустя двигается большая толпа мужчинъ-богомольцевъ въ томъ-же восторженномъ настроеніи и съ тѣмъ-же громкимъ пѣніемъ священныя пѣснопѣній, а далѣе еще толпа, составляющая изъ себя смѣшанный хоръ мужчинъ и женщинъ. Все это идетъ и поетъ, потому что проникнуто глубокимъ религіознымъ чувствомъ, которое въ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ находитъ для себя наилучшій исходъ. Никто не составлялъ и не обучалъ этихъ хоровъ; они составились сами собою, по естественному побужденію благочестивой души, а регентомъ у нихъ выступалъ или одинъ изъ псаломщиковъ, или какой нибудь странникъ и юродивый. Нѣсколько такихъ юродивыхъ идутъ съ крестнымъ ходомъ отъ самой Москвы и особенно выдѣляются изъ числа ихъ тѣ, которыхъ народъ зоветъ отцами: Антоніемъ, Теодоромъ и Іоанномъ. Къ этимъ тремъ народъ относится съ особеннымъ почтеніемъ и, постоянно окружая ихъ густою толпой, подъ ихъ руководствомъ поетъ священныя пѣсни, или слушаетъ ихъ громкое чтеніе акаѳиста преп. Сергію. Всѣ эти трое юродивыхъ идутъ босыми, а Антоній окованъ еще тяжелыми веригами: на груди и спинѣ его висятъ на толстой цѣпи большіе чугуныя кресты, а поясъ, руки и ноги окованы желѣзными полосами. За восторженными поющими толпами, за этими странниками и юродивыми, показываются наконецъ и хоругви крестнаго хода. Плавно-колыхающійся длинный рядъ ихъ, украшенный гирляндами цвѣтовъ, сіяя золотомъ и сверкая блескомъ драгоценныхъ камней, подъ привѣтливыми лучами встрѣчнаго солнца представляетъ въ высшей степени красивую картину. Всѣхъ хоругвей можно насчитать свыше пятидесяти: впереди несутъ тѣ изъ нихъ, которыя въ десяти верстахъ отъ посада при-

соединились къ московскому ходу отъ городовъ Владиміра, Суздаля и Коврова, а также драгоцѣнныя, украшенныя цвѣтами и снабженныя соотвѣтствующими надписями, хоругви, приносимыя въ даръ Троицкой-Сергіевой лаврѣ отъ Владимірскихъ крестьянъ, отъ Нижегородскаго купечества, отъ Московскихъ хоругвеносцевъ, отъ Павловскаго посада и Богородска. Затѣмъ уже тянется длинный рядъ Московскихъ хоругвей отъ кремлевскихъ соборовъ и храма Христа-Спасителя. Болѣе тысячи хоругвеносцевъ, московскихъ и иногородныхъ, въ красивыхъ темно-зеленыхъ и синихъ кафтаныхъ, украшенныхъ позументомъ и разноцвѣтными кушаками, съ благоговѣйнымъ спокойствіемъ выполняютъ свой тяжелый подвигъ и толпою окружаютъ каждую хоругвь, всегда готовые смѣнить кого-либо изъ своихъ утомившихся товарищей. За хоругвями слѣдуютъ: два большихъ хрустальныхъ креста, сооруженные по образцу такъ называемыхъ „корсунскихъ“ крестовъ, находящихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, и приносимые въ даръ лаврѣ отъ нѣкоторыхъ московскихъ торговцевъ; иконы: Свят. Алексія — изъ Чудова монастыря, свв. Петра, Іоны и Филиппа — изъ Успенскаго собора, преп. Андроника — изъ Андроніева монастыря, св. Стефана Пермскаго — изъ московской 1-й гимназіи, копія Иверской иконы Божіей Матери — изъ Иверской часовни, чудотворная икона Спасителя — изъ часовни Давыдовой пустыни, преп. Саввы Сторожевскаго — изъ Саввина Звенигородскаго монастыря, копія съ находящейся во Владимірскомъ соборѣ чудотворной иконы Владимірскаго Богоматери, приносимая въ даръ лаврѣ отъ жителей города Владиміра, и чудотворная икона Смоленской Богоматери изъ города Коврова. Священная процессія завершается длиннымъ рядомъ духовенства московскаго замоскворѣцкаго сорока: впереди идутъ псаломщики съ пѣніемъ священныхъ пѣсней, а за ними діаконы и священники, имѣя во главѣ своей двухъ благочинныхъ: свящ. Н. А. Копьева и протоіерея А. А. Доброгорскаго. Въ видахъ соблюденія должнаго порядка крестный ходъ сопровождается воинскими и полицейскими чинами. Впереди его ѣдетъ верхомъ на конѣ московскій вице-губернаторъ Боратынскій и взводъ казаковъ, а по бокамъ и сзади слѣдуетъ уѣздная полиція и конные жапдармы. Растянувшаяся длиною лен-

той процессіи замыкается рядомъ экипажей, фургонъ и линеекъ и новыми толпами пѣвшихъ богомольцевъ. При первомъ появленіи крестнаго хода загудѣлъ весь посадъ торжественнымъ колокольнымъ звономъ, а встрѣчныя толпы народа благоговѣнно падали на колѣна, часто со слезами на глазахъ осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и спѣшили присоединиться къ священной процессіи. Вблизи посада вышло на встрѣчу крестному ходу и примкнуло къ нему съ своими хоругвами духовенство всѣхъ семи посадскихъ церквей; на немъ были бѣлыя полотняныя облаченія съ полотняными-же синими крестами и позументами, устроенныя по образцу того облаченія, въ которомъ совершалъ божественную литургію преп. Сергій и которое хранится доселѣ въ числѣ лаврскихъ святынь. У желѣзнодорожной будки, гдѣ шоссе пересѣкается линіей желѣзной дороги и гдѣ почти сейчасъ уже начинается улица посада, крестный ходъ ожидала новая встрѣча. Здѣсь къ нему присоединилось старшее московское духовенство: благочинные и члены консисторіи, имѣя во главѣ своей архимандрита Знаменскаго монастыря Сергія и протоіерея кафедральнаго храма Христа-Спасителя А. И. Соколова. Здѣсь-же, по правой сторонѣ дороги, стояли воспитанники Виванской духовной семинаріи съ своимъ о. инспекторомъ, встрѣтившіе приближающуюся святыню стройнымъ пѣніемъ тропаря преподобному Сергію. Когда крестный ходъ, какъ-бы олицетворяя собою всю православную Москву и ея окрестности, пришедшія на молитвенное поклоненіе своему великому печальнику и заступнику предъ Богомъ, вступалъ въ посадъ и медленно шествовалъ по московской улицѣ, святая обитель Сергіева торжественно выступала ему на встрѣчу. Изъ лаврскаго Троицкаго собора съ хоругвами и иконами вышла монашествующая братія въ блестящихъ золотыхъ облаченіяхъ, имѣя въ рукахъ красныя зажженные свѣчи. Во главѣ этого встрѣчнаго хода шествовали собравшіеся на праздникъ святители: епископъ Христофоръ, настоятель Воскресенскаго монастыря, архіепископы: Теокистъ—Рязанскій и Зарайскій, Ионаанъ—Ростовскій и Ярославскій, Теогностъ—Владимірскій и Суздальскій и Савва—Тверской и Кашинскій и затѣмъ самъ священно-архимандритъ Троицкой Сергіевой лавры, митрополитъ Леонтій. Преосвященные архипастыри

остановились у святыхъ воротъ лавры, а лаврскій крестный ходъ, съ преосвящ. Архіепископомъ Теокистомъ во главѣ, вышелъ изъ монастыря на встрѣчу московскому ходу къ посадской Пятницкой церкви, гдѣ къ нему примкнули хоругви, иконы и духовенство всѣхъ другихъ, зависимыхъ отъ лавры обителей, а именно: Виѳанскаго монастыря съ иконою Тихвинскія Божіей Матери, Геосиманскихъ пещеръ — съ чудотворною иконою Богоматери Черниговской, Махрицкаго монастыря съ иконою преп. Стефана, пустыни Параклита и Боголюбской Киновіи. Въ двѣнадцать часовъ многотысячная толпа, сплошною массой покрывавшая всю монастырскую площадь, заколыхалась и набожно стала осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ: по спуску горы, на ближайшемъ поворотѣ дороги, показались первыя хоругви московскаго хода. Соединившись у Пятницкой церкви съ монастырскою святыней и братіей, величественная процессія, имѣя во главѣ своей преосв. Архіепископа Теокиста, среди массы народа и разставленныхъ шпалерами войскъ Троице-Сергіевскаго баталіона, при неумолкавшемъ колокольномъ звонѣ и торжественныхъ звукахъ военнаго оркестра, игравшаго „Коль славепъ“, въ половинѣ перваго часа подошла къ воротамъ лавры. Здѣсь крестный ходъ встрѣченъ былъ Высокопр. Леонтіемъ съ остальными святителями, который, послѣ краткой литіи, осѣнилъ святымъ крестомъ и окропилъ народъ святою водою на всѣ четыре стороны. Лаврскія хоругви стали затѣмъ по сторонамъ и пропустили весь московскій ходъ внутрь монастыря. Само собою разумѣется, что въ небольшомъ Троицкомъ соборѣ не могла вмѣститься вся принесенная святыня; туда внесены были лишь шесть хоругвей и икона Святителя Алексія, а всѣ остальные иконы и хоругви были поставлены въ соборѣ Успенскомъ. По вступленіи духовенства въ Троицкій соборъ, владыка-митрополитъ прочиталъ молитву преподобному Сергію и затѣмъ сдѣлалъ обычный отпущкъ.—Тотчасъ за крестнымъ ходомъ лаврскія ворота были затворены и оцѣплены полиціей и жандармами. Въ этотъ вечеръ до половины всенощнаго бдѣнія, а также во весь слѣдующій день 25-го числа и во все утро 26-го числа, до времени возвращенія крестнаго хода обратно въ Москву, входъ внутрь монастыря дозволялся лишь почетнымъ лицамъ, участникамъ въ бого-

служеніяхъ или крестныхъ ходахъ и тѣмъ, кому отъ лавры или духовной академіи выданы были особые билеты. Благодаря такому порядку, во все время праздничныхъ дней очень немного народа успѣвало проникнуть внутрь монастыря и когда напр.: царь-колоколь торжественно гудѣлъ, призывая ко всеобщему бдѣнію, лавра казалась почти совсѣмъ пустою. Куда-же дѣлись съ своими юродивыми тѣ восторженные толпы пѣшиходовъ - богомольцевъ, которыя своимъ высокимъ религіознымъ настроеніемъ и священными пѣснопѣніями составляли лучшее украшеніе московскаго крестнаго хода? Куда дѣлись эти труженики, совершившіе подвигъ семидесяти-верстнаго пути и подъ открытымъ небомъ претерпѣвшіе холодъ ночлеговъ, чтобы только сподобиться поклоненія лаврской святыни? Къ числу почетныхъ лицъ они, конечно, не принадлежали; билетовъ имъ никто не выдавалъ, а потому и остались они пока, и оставались большую часть праздника, за воротами обители, за туго-натянутыми канатами, за цѣпями полицейскихъ и жандармовъ, лишь черезъ стѣны лавры устремляя свой взоръ на кресты ея соборовъ. Не мало горькихъ словъ по поводу этой мѣры слышалось въ народѣ и нельзя не сознаться, что она производила грустное впечатлѣніе на большую часть даже и тѣхъ, которые сами пользовались свободнымъ доступомъ въ монастырскія ворота. Эта мѣра казалась чрезмѣрною и совершенно не соотвѣтствовала всенародному характеру и значенію великаго праздника. Какъ въ ночь на 25-е число, когда народъ допускался для поклоненія святыни, такъ и во все остальное время праздника открытыя ворота лавры, конечно, никому не причинили-бы вреда. Само собою разумѣется, что монастырскіе храмы не вмѣстили-бы всей народной массы; но она по крайней мѣрѣ чувствовала-бы себя вблизи святыни, молилась-бы на стѣны соборовъ, на хоругви и иконы, устанавливавшіяся по аллеямъ, и слушала-бы доносившіеся до нея отрывочные звуки совершавшагося въ храмахъ богослуженія, а главное,—безъ нужды не оскорблялась и не раздражалась-бы, видя, что ее не пускаютъ даже и въ ворота той святой обители, къ которой пришла она, претерпѣвая всякія лишенія, изъ за многихъ десятковъ, а иногда и сотенъ верстъ. Какъ-бы то ни-было, но монастырскія ворота пока оста-

вались запертыми и море человѣческихъ головъ волновалось и шумѣло лишь за стѣнами обители. Какихъ только типовъ, какихъ только костюмовъ не было въ этой многотысячной толпѣ! Навѣрное, всѣ русскія губерніи имѣли здѣсь своихъ представителей. При взглядѣ на эту толпу, на эти мелькавшіе въ ней расшитые сарафаны и своеобразные головные уборы, мнѣ почему-то пришли на память слова поэта:

„Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой“,

„И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ“.

Если кто, думалось мнѣ, всего болѣе имѣлъ-бы права сказать о себѣ подобныя слова, то, конечно, тотъ великій праведникъ, память котораго собрала теперь сюда эту все-россійскую толпу. Но такія самоувѣренныя, гордыя слова не могли имѣть мѣста не только въ устахъ, но даже и на мысли смиреннаго подвижника. Не самъ онъ о себѣ, а Господь устами псалмопѣвца сказалъ о немъ: „въ память вѣчную будетъ праведникъ“ (Пс. III, 6) и вотъ уже пять вѣковъ исполняется на пемь непреложное обѣтованіе Божіе и теперь, исполняя то-же обѣтованіе, шумитъ и волнуетъ предъ вратами святой обители многотысячная толпа.

Между тѣмъ въ лаврѣ началось давно уже священное торжество. Въ 8 часовъ утра 24-го числа, въ Троицкомъ соборѣ, о. намѣстникомъ арх. Павломъ совершена была заупокойная литургія съ панихидою, за которыми обитель молитвенно помянула всѣхъ своихъ прежде отшедшихъ братій. Для такого поминовенія составленъ былъ особый синодикъ, въ которомъ, начиная съ родителей самаго Угодника Божія, перечисленъ весь родъ его; всѣ настоятели Сергіевой обители; жизнеописатели преподобнаго — иноки Елифаній и Пахомій; его блаженные сподвижники; иноки — воины Пересвѣтъ и Ослябя; Авраамій Палицынъ, Симонъ Азарынъ, Арсеній Сухановъ и др. Послѣ этого заупокойнаго богослуженія состоялась встрѣча Московскаго крестнаго хода. — Въ три часа пополудни совершена была малая вечерня, послѣ которой владыка-митрополитъ со всѣми пресвященными и съ многочисленнымъ соборомъ архимандритовъ и іеромонаховъ вышли на средину храма для молебнаго пѣнія, при чемъ акаѣистъ преподобному Сергію читали по частямъ всѣ архіереи. Послѣ молитвы, о. ризничій лавры подаль Высокопр. Леонтію изданное имъ евангеліе святы-

теля Алексія и владыка, обратясь съ амвона къ народу съ нѣсколькими словами относительно значенія этой книги, возложилъ ее на мощи преподобнаго. Воспроизведенное путемъ фототипіи евангеліе святителя Алексія представляетъ собою не только важный памятникъ древне-русской письменности, но вмѣстѣ и великую святыню. По словамъ Высокопр. Леонтія въ предисловіи къ изданію, „это—плодъ подвига и снисканія разума великаго всероссійскаго святителя, который, въ заботахъ объ единомыслии въ русской православной церкви, приложилъ свое глубокое знаніе греческаго языка къ тому, чтобы дать вѣрующимъ наиболѣе точный переводъ Новаго Завѣта на языкъ общедоступный славяно-русскому міру. Это—трудъ, по достовѣрному преданію, писанный собственною рукою этого великаго святителя и ученаго мужа XIV столѣтія. Такимъ образомъ не только переводъ, но и самое письмо этого памятника принадлежатъ великому всероссійскому святителю“. Побужденіе, руководившее Высокопреосвящ. владыкою при этомъ изданіи, прекрасно выражено въ томъ воззваніи, какимъ онъ оканчиваетъ свое предисловіе. Упомянувъ о томъ, что святитель Алексій былъ наставникомъ и другомъ преподобнаго Сергія, владыка говоритъ: „Преподобне отче Сергіе! Благословѣя предъ величіемъ души Твоей и предъ этой священной дружбой, я, какъ преемникъ по игуменству въ обители Твоей, не нахожу ничего благопристойнѣе для почтенія Твоей исторической памяти, какъ возложить на Твою гробницу этотъ „Новый Завѣтъ“, переведенный и переписанный собственною рукою великаго всероссійскаго митрополита и святителя Алексія, Твоего наставника и друга“. Принесенный въ даръ обители экземпляръ переплетенъ въ бархатъ, сплошь унизанный искусственнымъ жемчугомъ и камнями, такъ что и по внѣшнему своему виду онъ представляетъ точное подобіе подлинника, который украшенъ жемчугомъ и драгоценными камнями усердіемъ московскаго митрополита Платона.

Въ шесть часовъ вечера раздался торжественный звонъ ко всеобщему бдѣнію и въ это самое время улицы и площадь посада огласились восторженными кликами народной массы: то прибылъ на праздникъ изъ Москвы ея Августѣйшій генераль-губернаторъ, Великій Князь Сергій Александро-

вичъ съ своею Августѣйшею супругою Елисаветою Θεодоровной. Владыка встрѣтилъ ихъ, по обычаю, въ дверяхъ собора со святою водою и тотчасъ-же началось всенощное бдѣніе, продолжавшееся до десяти часовъ. Богослуженіе въ Троицкомъ соборѣ совершалъ Высокопр. митрополитъ Леонтій въ сослуженіи Высокопр. Осогноста, архіепископа Владимірскаго, при чемъ прочитано было житіе пр. Сергія, составленное митрополитомъ Филаретомъ, а послѣ величанія и чтенія евангелія началось поклоненіе святымъ мощамъ преп. Сергія съ елеопомазаніемъ. Къ этому времени ворота лавры отворились и народъ допущенъ былъ къ поклоненію святынѣ. Всѣ подходившіе къ мощамъ преподобнаго получали въ благословеніе отъ обители книжку, или образокъ, или благословенный хлѣбецъ, которыхъ было заготовлено для раздачи до 30,000 штукъ. Раздача производилась въ западномъ притворѣ собора, куда направляли всѣхъ богомольцевъ послѣ елеопомазанія. Поклоненіе народа святымъ мощамъ и сопровождавшая его раздача священныхъ предметовъ, при чередовавшихся священнослужителяхъ, продолжались всю ночь до самаго утра. Кромѣ Троицкаго собора всенощныя бдѣнія совершены были въ Успенскомъ соборѣ— Архіепископомъ Ярославскимъ Іонаеаномъ, въ трапезной церкви— Архіепископомъ Рязанскимъ Осоктистомъ и въ академической церкви— Архіепископомъ Тверскимъ Саввою въ сослуженіи преосв. епископа Христофора. — Съ наступленіемъ темпоты вся лавра и монастырская площадь были въ этотъ вечеръ и въ слѣдующій роскошно иллюминированы. На святыхъ воротахъ и на митрополичьихъ покояхъ, гдѣ остановились Ихъ Императорскія Высочества, горѣли большіе щиты; но наиболѣе эффектное зрѣлище представляла собою въ этомъ случаѣ лаврская колокольня. По нижнему ярусу ея, на южной, обращенной къ Троицкому собору, сторонѣ горѣли изъ разноцвѣтныхъ стакачиковъ слова: „Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ“. Съ третьяго яруса распространялись лучи электрическаго солнца, а крестъ на вершинѣ колокольни сіялъ сплошною линіей эдиссоновскихъ лампочекъ. Оживленныя толпы народа безпрепятственно входили и выходили чрезъ монастырскія ворота, спокойно прогуливались внутри лаврской ограды, любуясь

иллюминаціей, и нигдѣ не видно было ни малѣйшаго безпорядка.

Въ день памяти преподобнаго Сергія въ соборахъ и церквахъ лавры совершенно было восемь раннихъ и четыре позднихъ литургій. Въ Троицкомъ соборѣ позднюю литургію совершалъ Высокопр. митрополитъ Леоптій въ сослуженіи архіепископа Владимірскаго Теоноста, при пѣніи хора чудовскихъ пѣвчихъ. Слово произнесено было ректоромъ академіи, архим. Антоніемъ ¹⁾. За богослуженіемъ въ этомъ соборѣ присутствовали: Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергій Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Теодоровна съ лицами свиты, государственный контролеръ, д. т. с. Т. И. Филипповъ, товарищъ оберъ прокурора Св. Синода, т. с. В. К. Саблеръ, командующій войсками московскаго округа, генераль-адъютантъ А. С. Костанда, и. д. московскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Трубецкой, московскій губернаторъ, д. с. Д. С. Сипягинъ, вице-губернаторъ Боратынскій, начальникъ моск. жандармскаго управленія, генераль - лейтенантъ Шраммъ, и многія другія высокопоставленныя лица. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершалъ Высокопр. архіепископъ Ярославскій Іонаанъ, а въ трапезной церкви— Высокопр. архіепископъ Рязанскій Теокистъ; въ томъ и другомъ храмѣ пѣли хоры пѣвчихъ лавры. Четвертая поздняя литургія въ этотъ день совершена была одновременно съ лаврскими въ домово́й церкви Московской духов. академіи. Здѣсь богослуженіе совершалъ Высокопр. Савва, архіепископъ Тверской, въ сослуженіи преосв. епископа Христофора. Оба эти архипастыря стояли нѣкогда во главѣ московской академіи въ должности ректора. На правомъ хорѣ академической церкви пѣли во время этой литургіи студенты академіи, а на лѣвомъ—воспитанники Виѣанской духовной семинаріи.—Въ первомъ часу пополудни, по окончаніи богослуженія въ Троицкомъ соборѣ, двинулся торжественный крестный ходъ вокругъ стѣнъ обители. По необычайнымъ размѣрамъ и блестящему составу своему, этотъ крестный ходъ представлялъ собою такое величественное зрѣлище, какія рѣдко выпадаютъ на долю не только скром-

¹⁾ Слово это напечатано въ ноябрской книжкѣ Б. В.

ному посаду, но даже и столицамъ. Въ этой грандіозной процессіи соединились всѣ хоругви и иконы, принесенныя въ московскомъ крестномъ ходѣ, съ мѣстными святынями лавры, посада, Виоаніи, скита и Махры. Шествіе открывалось длиннымъ рядомъ хоругвей лаврскихъ, посадскихъ, иногородныхъ и московскихъ, которыхъ можно было насчитать теперь болѣе шестидесяти. Кромѣ иконъ, прибывшихъ въ лавру съ московскимъ ходомъ, теперь несены были еще иконы лавры, скита, Виоаніи и Махры. Въ числѣ лаврскихъ святынь обращали на себя особенное вниманіе: посохъ преподобнаго Сергія, который несенъ былъ однимъ изъ старшихъ лаврскихъ іеромонаховъ, и двѣ келейныя иконы преподобнаго съ изображеніями Богоматери и святителя Николая. Хоры чудовскихъ и лаврскихъ пѣвчихъ сопровождали процессію въ своихъ красивыхъ парадныхъ кафтанахъ. Длинный рядъ духовенства, шествовавшаго въ блестящихъ облаченіяхъ попарно, состоялъ изъ священнослужителей посада, Москвы, скита, Махры, Виоаніи и Лавры. Въ концѣ этого ряда шли двѣнадцать архимандритовъ и преосвященные Архипастыри: Христофоръ, Теокистъ, Іонаеанъ, Теогностъ и Савва съ Высокопр. митрополитомъ Леонтіемъ во главѣ. За священной процессіею изволили шествовать Ихъ Императорскія Высочества въ сопровожденіи всѣхъ, собравшихся на праздникъ, высокопоставленныхъ лицъ и свиты. Шествіе такъ растянулось, что переднія хоругви уже огибали сѣверную стѣну лавры, когда митрополитъ и прочее духовенство только что выходили изъ воротъ обители. При колокольномъ звонѣ, при звукахъ военной музыки и пѣніи пѣвческихъ хоровъ, медленно двигалась величественная процессія, а народъ не только сплошною стѣной стоялъ по всему протяженію ея пути, но тѣснился всюду на башняхъ и стѣнахъ обители, на кровляхъ домовъ и даже на деревьяхъ. Во время обхожденія кругомъ монастыря, священная процессія пять разъ останавливалась для совершенія краткихъ литій. Первая остановка сдѣлана была въ святыхъ воротахъ при самомъ началѣ крестнаго хода, затѣмъ слѣдовали остановки при башняхъ: каличьей, водяной и пятницкой и наконецъ опять при святыхъ воротахъ, предъ обратнымъ вступленіемъ процессіи внутрь монастыря. На каждой литіи Владыка митро-

полить читалъ одну молитву и на всѣ стороны осѣнялъ народъ святымъ крестомъ. При первыхъ трехъ литіяхъ прочитаны были три молитвы преподобному Сергію, при четвертой—молитва Богоматери, а при послѣдней—благодарственная Господу Иисусу. На послѣдней-же литіи было прочтено евангеліе, послѣ чего, съ пѣніемъ „Тебе Бога хвалимъ“, крестный ходъ вступилъ обратно въ лавру и молебное пѣніе закончилось въ Троицкомъ соборѣ провозглашеніемъ обычнаго многолѣтія. Вся священная церемонія продолжалась болѣе часа съ четвертью и окончилась около половины втораго. Владыка-митрополить со славою продолжалъ въ свои келліи, гдѣ ему стали приносить поздравленія, какъ священно-архимандриту лавры. Къ торжественному дню своему обитель получила множество поздравительныхъ телеграммъ, писемъ и адресовъ отъ преосвящ. архіереевъ, разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Затѣмъ всѣ почетные гости приглашены были къ обѣденному столу, сервированному въ митрополичьихъ покояхъ и въ лаврской трапезѣ. Въ числѣ приглашенныхъ, общая цифра которыхъ простиралась до 550-ти, были и всѣ профессоры и должностныя лица Московской духовной академіи. Странникамъ—богомольцамъ обитель предложила даровую трапезу на дворѣ у трапезной церкви и подлѣ новаго страннопріимнаго дома. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ въ совокупности садилось на каждую смѣну человѣкъ по пятисотъ, а всѣхъ, воспользовавшихся радушнымъ угощеніемъ обители въ этотъ день насчитывалось тысячъ до десяти. По окончаніи обѣденнаго стола въ митрополичьихъ покояхъ и въ лаврской трапезѣ, Ихъ Императорскія Высочества и нѣкоторые изъ почетныхъ гостей отбыли обратно въ Москву.—Въ три часа пополудни въ академической церкви, при большомъ стеченіи слушателей, состоялось вѣтбогослужебное собесѣдованіе, посвященное памяти преподобнаго Сергія, а вечеромъ лавра, какъ и наканунѣ, опять заблестѣла роскошною иллюминаціей.

Утромъ 26-го числа назначено было возвращеніе изъ лавры московскаго крестнаго хода. Послѣ поздней литургии въ Троицкомъ соборѣ, совершенной преосвященнымъ епископомъ Христофоромъ, и напутственнаго молебна, въ которомъ приняли участіе высокопр. митрополить Леонтій

и преосв. Тихонъ, епископъ Можайскій, московскія святыни, иконы и хоругви, торжественно двинулись къ станціи желѣзной дороги. Священная процессія составила въ прежнемъ порядкѣ и, сопровождаемая хоромъ монастырскихъ пѣвчихъ, завершалась длиннымъ рядомъ лаврскаго духовенства, во главѣ котораго шествовали два архимандрита, преосв. Тихонъ и Высокопр. владыка-митрополитъ. На площади предъ святыми воротами совершена была краткая литія, послѣ чего высокопр. Леонтій осѣнилъ народъ святымъ крестомъ и возвратился въ соборъ, а крестный ходъ, имѣя во главѣ своей о. намѣстника лавры архимандрита Павла и преосв. епископа Тихона, направился къ вокзалу. Процессію сопровождалъ московскій вице-губернаторъ Боратынскій, народъ многотысячною толпою слѣдовалъ за нею или стоялъ по ея пути, торжественный звонъ не умолкалъ на колокольняхъ лавры и посадскихъ церквей, а впереди хоругвей снова образовался добровольный хоръ богомольцевъ, выражавшій свои религіозныя чувства громкимъ пѣніемъ тропаря Преподобному Сергію и другихъ священныхъ пѣснопѣній. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа крестный ходъ подошелъ къ желѣзно-дорожной станціи, гдѣ, послѣ чтенія Евангелія, преосв. Тихонъ осѣнилъ народъ свят. крестомъ и окропилъ его святою водою, а архидіаконъ лавры провозгласилъ обычное многолѣтіе съ присоединеніемъ къ нему особаго: „жителямъ богоспасаемаго града Москвы, благотворителямъ святяго обители Преподобнаго Отца нашего Сергія, труждающимся и предстоящимъ“. По окончаніи молебнаго пѣнія хоругви и иконы перенесены были на особо-приготовленный поѣздъ. Иконы были поставлены въ изящно-украшенные растеніями вагоны, а хоругви—на открытыхъ платформахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ и увѣшанныхъ гирляндами изъ листьевъ. Помѣстившіеся на платформахъ и въ вагопахъ хоругвеносцы стройнымъ хоромъ запѣли: „Тебе Бога хвалимъ“; многотысячная толпа осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, поѣздъ двинулся и скоро скрылся изъ глазъ, напутствуемый неумолкаемымъ звономъ всѣхъ колоколовъ лавры и посада.

Въ академической церкви поздною литургію въ этотъ день совершалъ о. ректоръ, архимандритъ Антоній, который въ концѣ богослуженія обратился къ собиравшимся

уже покинуть лавру богомольцамъ съ прощальнымъ напутственнымъ словомъ. Онъ убѣждалъ ихъ навсегда сохранить въ своихъ сердцахъ то религіозно-нравственное настроеніе, которое привело ихъ ко гробу преп. Сергія.

Лаврское торжество завершилось въ актовомъ залѣ Московской Духовной Академіи, гдѣ состоялось торжественное учебное собраніе, посвященное памяти пр. Сергія. Свое участіе въ великомъ празднествѣ Московская Академія и ранѣе выразила торжественными богослуженіями въ академической церкви и нѣсколькими изданіями, соотвѣтствующими предмету и характеру праздника. По порученію Совѣта, профессоръ Е. Е. Голубинскій составилъ и издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра“. Эта большая книга (до 400 страницъ) прежде всего содержитъ въ себѣ подробное жизнеописаніе преподобнаго Сергія съ обзоромъ дѣятельности его и многочисленныхъ учениковъ его по устройству монастырей и вообще распространенію монашеской жизни во всей сѣверной Россіи. Затѣмъ вторую часть книги составляетъ „путеводитель по лаврѣ“. Первая глава этого путеводителя сообщаетъ общія свѣдѣнія о монастырѣ: объ его исторіи, о постепенномъ ростѣ и возвышеніи его въ ряду другихъ монастырей, объ его хозяйствѣ и имуществвахъ, объ его управленіи, о количествѣ монаховъ въ немъ и о личностяхъ настоятелей. Вторая, третья и четвертая главы даютъ читателю подробнѣйшее обзорнѣе всѣхъ монастырскихъ построекъ: стѣны, башенъ, храмовъ, колокольни и келлій, причемъ излагается ихъ исторія и тщательно описывается ихъ современное состояніе и всѣ заключающіеся въ нихъ достопримѣчательные предметы. Пятая и шестая главы посвящены описанію ризницы и бібліотеки лавры. Въ главахъ седьмой, восьмой и девятой рѣчь идетъ о лаврскихъ кладбищахъ, колодцахъ и разныхъ учрежденіяхъ, какъ напр. иконописной, свѣчной, просфорнѣ, литографіи и фотографіи. Глава десятая описываетъ помѣщающуюся въ лаврѣ Московскую Духовную Академію, причемъ, кромѣ обзора принадлежащихъ ей зданій, кратко излагается и ея исторія. Въ главахъ одиннадцатой и двѣнадцатой содержится описаніе Сергіевскаго посада и наиболѣе примѣчательныхъ окрестностей лавры, какъ-то: Радонежа,

Хотькова монастыря, крестовской часовни, монастыря Виеанскаго, Геосиманскаго скита съ пустыней Параклита и Корбухи. Наконецъ, двѣ послѣднія главы рассказываютъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ изъ исторіи Троицкой Сергіевой лавры, а именно о знаменитой осадѣ ея поляками и о царскихъ богомольныхъ въ нее походахъ. Въ концѣ книги приложены четыре гравюры, содержащія въ себѣ: видъ Троицкой Сергіевой лавры XVII вѣка, современный видъ лавры, планъ Сергіевскаго посада и карта дороги отъ Москвы до Троицы. Образованному человѣку книга профессора Голубинскаго даетъ такимъ образомъ все, что нужно знать ему какъ о личности и дѣятельности преподобнаго Сергія, такъ и о созданной имъ обители, причемъ трудъ автора имѣетъ научную постановку, основанъ на достовѣрныхъ источникахъ и снабженъ учеными примѣчаніями. Кромѣ книги проф. Голубинскаго, ко времени праздника, Московская Академія, имѣя въ виду не образованныхъ только читателей, но и грамотныхъ людей простаго народа, издала рядъ мелкихъ брошюръ малаго формата и доступной для бѣднаго люда цѣны, а именно: краткое (32 стр.) жизнеописаніе преп. Сергія подъ заглавіемъ: „Житіе и чудеса преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца“, и пятьдесятъ отдѣльныхъ бесѣдъ и отрывковъ изъ свято-отеческихъ твореній, имѣющихъ наиболѣе близкій къ жизни и назидательный характеръ. Въ числѣ этихъ книжекъ можно встрѣтить напр.: бесѣды Василія Великаго: о зависти, о смиренномудріи, о благодареніи, о постѣ, объ утѣшеніи больнаго, во время голода и засухи, на упивающихся, на гнѣвливыхъ, на ростовщиковъ; Григорія Богослова: о любви къ бѣднымъ, о христіанскомъ бракѣ, противъ женщинъ, любящихъ наряды; Григорія Нисскаго: что значить имя христіанинъ, противъ блуда; Ефрема Сирина о добродѣтеляхъ и порокахъ, о любви, о молитвѣ, о промыслѣ Божіемъ, о страстяхъ и покаяніи, о терпѣніи, о второмъ пришествіи, о всеобщемъ воскресеніи; Иоанна Златоустаго: о чтеніи свящ. писанія, о кротости, о любви ко врагамъ, объ истинномъ постѣ, объ отношеніяхъ между женою и мужемъ, на слова „не судите, да не судими будете; Иоанна Дамаскина: о почитаніи святыхъ, мощей и

иконъ ¹⁾ и мн. др. Потребныя на эти изданія денежные средства дарованы были Академіи Его Высокопреосвященствомъ Митрополитомъ Московскимъ Леонтіемъ.

На третій день праздника, 26-го сентября, Академія посвятила памяти преподобнаго Сергія особое торжественное собраніе съ произнесеніемъ на немъ ученыхъ рѣчей. Къ двѣнадцати часамъ дня актовый академическій залъ, куда пускали по билетамъ, весь уже наполнился посѣтителями. Изъ высокопоставленныхъ лицъ собраніе почтили своимъ присутствіемъ: высокопр. архіепископы: Савва Тверскій, Θεогностъ Владимірскій, Іонаанъ Ярославскій и Θεоктистъ Рязанскій, преосв. епископы: Сергій Новгородъ-Сѣверскій, Христофоръ и Тихонъ Можайскій, государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, товарищъ оберъ-прокурора Свят. Синода В. К. Саблеръ, членъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ протоіерей Петербургскаго Казанскаго собора А. А. Лебедевъ, намѣстникъ лавры архим. Павель, графъ М. В. Толстой; ректоры семинарій: Московскои—архим. Климентъ и Виѣанскои—архим. Антоній и многіе другіе архимандриты и протоіереи. За почетными посѣтителями заняли мѣста: профессоры академіи, преподаватели Виѣанскои семинаріи, много дамъ и стороннихъ любителей духовнаго просвѣщенія и студенты. Ровно въ 12 часовъ въ залъ вошелъ Высокопреосвященнѣйшій Леонтій и собраніе открылось пѣніемъ студенческаго хора: „Днесъ благодать Святаго Духа пасъ собра“. Первымъ вступилъ на кафедру ректоръ академіи, архим. Антоній и, въ память преподобнаго Сергія, посвятившаго всю жизнь и дѣятельность свою служенію и прославленію св. Троицы и въ честь Ея основавшаго монастырь свой, прочелъ рѣчь „о значеніи догмата св. Троицы для нравственной жизни человѣка“. Послѣ этой рѣчи студенческой хоръ исполнилъ въ честь Высокопреосвящ. Леонтія старинную кантату: „торжествуй наша обитель“. Затѣмъ вошелъ на кафедру профессоръ И. Н. Корсунскій и, за болѣзнію автора, про-

¹⁾ Всѣ эти изданія можно пріобрѣтать въ редакціи „Богосл. Вѣстника“, а книгу пр. Голубинскаго и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна этой книги 2 р. съ перес. 2 р. 25 коп., краткаго житія—5 коп.. а бесѣдъ—по 3 к.

читаль рѣчь профессора академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи Е. Е. Голубинскаго: „о значеніи преподобнаго Сергія въ исторіи русскаго монашества“. Послѣ рѣчи Голубинскаго и исполненнаго студеческимъ хоромъ концерта Бортнянскаго „Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю“, выступилъ съ своею рѣчью другой представитель русской исторіи въ академіи, профессоръ по кафедрѣ русской гражданской исторіи В. О. Ключевскій и прочиталь „о значеніи преподобнаго Сергія для русскаго народа“ ¹⁾. Около трехъ часовъ пополудни собраніе закончилось пѣніемъ народнаго гимна и, когда Владыка митрополитъ съ другими преосвященными удалился изъ зала, присутствовавшая публика проводила профессора Ключевскаго шумными единодушными рукоплесканіями. — Послѣ торжественнаго собранія Высокопреосвященный Владыка со всѣми почетными гостями академіи и со всею академическою корпораціей перешелъ въ квартиру о. ректора, гдѣ сервированъ былъ обѣденный столъ. Среди обычныхъ тостовъ выражено было, между прочимъ, много благожеланій лаврѣ и академіи и сказано было нѣсколько рѣчей. Высокопреосвященный Θεоктистъ, архіепископъ Рязанскій говорилъ, что хотя онъ не былъ воспитанникомъ Московской Академіи и не стоялъ къ ней въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе всегда былъ близокъ къ ней по духу и относился съ неизмѣннымъ почтеніемъ къ ея духовно-просвѣтительной дѣятельности. Такому его отношенію къ академіи много способствовало и то, что онъ глубоко почиталь всегда тѣхъ достойнѣйшихъ вождей, которые стояли во главѣ академіи, какъ ея ректоры или архипастыри Москвы. Въ давнихъ лично-признательныхъ отношеніяхъ стоитъ онъ и теперь къ верховному главѣ академіи, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Московскому, а потому какъ всегда, такъ и теперь искренно желаетъ всякаго блага и процвѣтанія Московской Духовной Академіи и ея вождю. — Нѣсколько прочувствованныхъ словъ высказалъ также и Высокопреосв. Іонаанъ, арх. Ярославскій. Профессоръ академіи В. А. Соколовъ обратился къ собранію съ рѣчью. „Сонмъ архипастырей, говорилъ онъ, и великое множество

1) Всѣ три рѣчи напечатаны въ ноябрьской книжкѣ Б. В.

людей изъ всѣхъ классовъ общества собрались теперь въ торжествующую обитель Сергіеву, чтобы благоговѣнно чествовать священную память того, кого святая церковь именуетъ „наставникомъ монаховъ“. Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ и устныхъ рѣчахъ моихъ достопочтенныхъ сотоварищей величественный образъ преподобнаго Сергія начертанъ съ такою полнотою и искусствомъ, что прибавить къ нему что-либо едва-ли нужно и возможно. Великій праведникъ, всецѣло посвятившій себя многотруднымъ подвигамъ поста и молитвы, рѣшительно отклонившій отъ себя задачу непосредственнаго общественнаго служенія, но оказавшій въ то-же время могучее вліяніе на церковную, политическую и общественную жизнь своего времени, служить, мнѣ думается, яснымъ примѣромъ того, какую великую общественную силу являетъ собою подвигъ личнаго усовершенствованія. Православный русскій народъ, сознательно или несознательно, всегда признавалъ и доселѣ признаетъ справедливость этой мысли, когда не перестаетъ многотысячными толпами стекаться къ стѣнамъ святыхъ обителей, видя въ нихъ твердый оплотъ отечественнаго благополучія; когда къ инокамъ обращается за наставленіемъ и разрѣшеніемъ своихъ житейскихъ сомнѣній; когда въ словѣ и примѣрѣ жизни подвижниковъ монашества надѣется почерпнуть для себя наибольшее духовное назиданіе. Далеко не такъ, къ сожалѣнію, относятся къ иночеству многіе изъ нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, склонные видѣть въ монахахъ лишь праздныхъ людей, если не прямо вредныхъ, то по крайней мѣрѣ совершенно бесполезныхъ съ точки зрѣнія общественнаго блага. Вотъ этимъ то противникамъ монашества на праздникъ „наставника монаховъ“ я желалъ-бы и находилъ умѣстнымъ указать въ назиданіе одинъ историческій примѣръ. По предмету моихъ занятій мнѣ приходится сосредоточивать свое вниманіе на судьбахъ европейскаго запада и, заимствуя оттуда свой назидательный примѣръ, я не страшусь нарушить гармонию православнаго русскаго праздника, надѣясь въ этомъ случаѣ быть наиболѣе убѣдительнымъ для тѣхъ, кто привыкъ преклоняться предъ просвѣщеннымъ западомъ и искать себѣ тамъ образцовъ для подражанія.

Очень давно, тринадцать вѣковъ тому назадъ, неболь-

шая толпа христіанскихъ миссіонеровъ, съ трудомъ преодолевая всякія лишенія и препятствія, казавшіяся иногда почти неодолимыми, явилась въ дикую и маловѣдомую тогда страну, населенную языческимъ племенемъ англо-саксовъ. То были сорокъ римскихъ монаховъ подъ предводительствомъ Августина. Самоотверженные подвижники упорнымъ трудомъ непрестанной проповѣди и высокимъ примѣромъ своей строго-аскетической жизни разсѣяли мракъ окружавшаго ихъ язычества и Господь благословилъ ихъ святое дѣло. Горсть монаховъ заставила десятки и сотни тысячъ англо-саксовъ покинуть своихъ идоловъ и обратиться ко Христу. По всей странѣ учреждены были епархіи и зацвѣли святія обители, которыя просвѣтили и перевоспитали дотолѣ дикую, языческую страну и въ теченіи многихъ вѣковъ служили славными расадниками просвѣщенія и добрыхъ нравовъ.

Прошла тысяча лѣтъ. Религіозное движеніе такъ называемой реформаціи, распространившееся по всей западной Европѣ, охватило и Англію и одною изъ первыхъ жертвъ этого враждебнаго церкви движенія были монастыри. Въ литературѣ и въ общественномъ мнѣніи повсюду слышались грозныя рѣчи противъ тѣхъ обителей, святыня которыхъ встрѣчала доселѣ лишь благоговѣйное поклоненіе. На нихъ указывали теперь какъ на расадники новѣжества и суевѣрія, какъ на такія учрежденія, которыя только безплодно поглощаютъ богатства страны, а сами, въ праздности и роскоши, преисполнены всякими пороками. Усиленными стараніями правительства все, что только было въ нихъ дурнаго, тщательно было разыскано и выставлено на видъ. Въ палатахъ парламента раздался крикъ: „прочь, долой монаховъ!“ и законодательною властію до семисотъ монастырей, не считая мелкихъ церковныхъ учрежденій, рѣшено было уничтожить. Монаховъ разогнали, драгоценныя украшенія мощей, иконъ и храмовъ конфисковали или просто разграбили, а монастырскія зданія и земли стали достояніемъ частныхъ лицъ. Англія XVI-го вѣка хвалилась, что нѣтъ въ пей болѣе ни одного монаха.

Просвѣщенная англійская нація, всесторонній прогрессъ и формы жизни которой для многихъ представляются столь привлекательными, триста лѣтъ съ тѣхъ поръ прожила

безъ монастырей и монаховъ. Казалось-бы, что вопросъ о монашествѣ рѣшенъ въ ней навсегда безповоротно; но при-сматриваясь къ тому, что происходитъ въ англійской церковной жизни въ настоящее время, я, по крайней мѣрѣ, не приму на себя смѣлость утверждать это и нисколько не удивился-бы, если бы чрезъ нѣсколько лѣтъ въ современной протестантской Англии ея знаменитыя средневѣковыя аббатства снова воскресли изъ своихъ развалинъ. — На англійскихъ церковныхъ соборахъ послѣдняго времени, на конвокаціяхъ и конгрессахъ въ Кантербури, Йоркѣ и Гулльѣ, въ 1888, 1889 и 1890 гг. пастыри англійской церкви не мало разсуждали о печальномъ религіозно-нравственномъ состояніи своего народа. Знаменитый архидіаконъ Фарраръ, между прочимъ, утверждалъ, что въ Лондонѣ напр. лишь 10% народной массы бываетъ въ церкви и не болѣе 5% приступаетъ къ приобщенію. Дѣятельность приходскаго духовенства, по его словамъ, безсильна, чтобы съ усиліемъ бороться противъ ужасающаго религіознаго и нравственнаго огрубнѣнія народа, а потому необходимо изыскать для этой борьбы какія-либо особыя средства. Онъ находилъ, что англиканскимъ церковнымъ дѣятелямъ недостаетъ того энтузіазма, блестящіе образцы котораго являютъ собою монашескіе ордена католическаго Рима, и настаивалъ на мысли о необходимости учредить и въ англиканской церкви „религіозныя братства“, которыя поставляли-бы своею задачей религіозно-нравственное просвѣщеніе народа и члены которыхъ дѣйствовали-бы съ полнымъ самоотверженіемъ, про-износя объты „бѣдности, цѣломудрія и послушанія“. Онъ требовалъ такимъ образомъ ни больше ни меньше, какъ возстановленія въ Англии монашества, видя въ немъ наилучшее средство для оживленія церковной жизни и для борьбы противъ народнаго невѣжества и религіозно-нравственнаго огрубнѣнія. Не думайте, что это необычайное для протестантской Англии предложеніе возмутило страну. Ни чуть не бывало. Изъ многихъ горячихъ разсужденій ясно обнаружилось, что большинство благомыслящихъ людей вполне сочувствуетъ мысли Фаррара и даже признаетъ необходимость для предлагаемыхъ братствъ обычныхъ монашескихъ обътовъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія. Возраженія сводились лишь къ тому, чтобы объты эти сдѣлать

обязательными не на всю жизнь, а только на извѣстный срокъ. — Проживъ триста лѣтъ безъ монастырей и монаховъ, Англія, такимъ образомъ, повидимому, начинаетъ приходить къ убѣжденію, что такое положеніе дѣлъ не представляетъ въ себѣ ничего привлекательнаго въ интересахъ общественнаго блага, и выражаетъ желаніе возвратиться къ прежнему порядку. Она не отрицаетъ той массы злоупотребленій, которыя въ эпоху реформаціи вооружили всѣхъ противъ монашества; но въ то-же время ясно сознаетъ, что иное дѣло существо учрежденія и иное дѣло практическія въ немъ злоупотребленія. Она какъ-бы раскаевается въ томъ, что триста лѣтъ тому назадъ, уничтожая монашество, необдуманно погубила то, что требовало лишь исправленія, и хочетъ теперь возстановить его въ возможной чистотѣ.

Не практическія-ли уклоненія отъ идеала вызываютъ нареканія и на наше монашество? И не слишкомъ-ли необдуманно заключать отъ этихъ уклоненій къ сущности самаго учрежденія? — Да послужитъ настоящее торжество, посвященное памяти „наставника монаховъ“, напоминаніемъ монашеству — объ его идеалѣ, а всѣмъ православнымъ людямъ — о должномъ отношеніи къ самому учрежденію!

Почтившіе нашъ праздникъ своимъ присутвіемъ пресвященные Архипастыри, свѣтильники православной церкви и монашества, высокимъ подвигомъ своей церковной дѣятельности пусть будутъ для всѣхъ назиданіемъ и руководственнымъ примѣромъ! Да просвѣтится свѣтъ ихъ предъ челоуѣки и да хранитъ ихъ Господь на многая, многая лѣта!“

Съ рѣчью-же обратился къ собранію редакторъ-издатель газеты „Свѣтъ“ В. В. Комаровъ. „Позвольте мнѣ, говорилъ онъ, сказать нѣсколько словъ благодарности отъ имени пріѣзжихъ сюда изъ далекихъ мѣстъ. — У каждого челоуѣка есть свои невзгоды, тяготы, затрудненія. Челоуѣку нерѣдко нужно обновиться душою, окрылить свой духъ, поднять свои силы. Можно ли было пропустить такой высокій и славный день, какъ день пятисотлѣтія со дня блаженной кончины радѣтеля за русскій народъ Преподобнаго Сергія, у гроба котораго сосредоточились 5 вѣковъ русской жизни и, по всей вѣроятности, жизни этой предъуготовано еще на 50 вѣковъ.

„Каждое время имѣетъ свое горе и свои радости. Во время жизни преподобнаго Сергія на Руси было татарское иго и власть была раздроблена. Прошло 5 вѣковъ со времени начала молитвъ Преп. Сергія и надъ русскимъ народомъ нѣтъ и быть уже не можетъ ни татарскаго и никакого иноземнаго ига и царить Самодержавіе, прославляющее народъ и прославленное народомъ.

„Но и наше время имѣетъ свои невзгоды. XVIII вѣкъ, охваченный волтеріанизмомъ, смѣнился XIX вѣкомъ съ его индифферентизмомъ, смутившимъ понятія и затемнившимъ словно тучею отношенія между властями, разными слоями общества и народомъ, затемнившимъ и цѣль жизни и ея назначеніе. Въ XIX стол. также, какъ и въ XIV при Сергіи Преподобномъ, необходимо искать спасенія въ церкви.

„Теперь во всемъ сомнѣваются. Сомнѣваются въ троичности Божества, какъ говоритъ о. Ректоръ, сомнѣваются въ силѣ вѣры, сомнѣваются въ живительномъ ея началѣ.

„Мы приѣзжіе были свидѣтелями, какъ за нѣсколько дней до началія крестнаго хода изъ Москвы въ Троице-Сергіеву Лавру, сомнѣвались даже, что онъ можетъ состояться. Говорили, что не хватитъ богомольцевъ, что на такой крестный ходъ не достанетъ у духовенства энергіи, но Высокопреосвященный Леонтій своимъ архипастырскимъ жезломъ указалъ быть крестному ходу и мы видѣли величайшее народное воодушевленіе. Десятки тысячъ народа изъ Москвы пришли съ крестнымъ ходомъ и соединились съ другими десятками тысячъ, пришедшихъ изъ Лавры отъ гроба преподобнаго, всю жизнь свою посвятившаго Москвѣ.

„Мы приѣзжіе были обласканы, накормлены, напоены, видѣли какъ Лавра накормила и приютила десятки тысячъ пришедшаго народа и уѣзжаемъ отсюда поддержанные духовно, ободренные нравственно и приносимъ душевную благодарность и провозглашаемъ многія лѣта Высокопреосвященнѣйшему Леонтію, Троице-Сергіевой Лаврѣ и любимой дочери ея духовной Академіи“.

Сказалъ еще нѣсколько словъ предсѣдатель совѣта братства Преп. Сергія, профессоръ Д. Ѳ. Голубинскій. Онъ говорилъ, что настоящий праздникъ, посвященный памяти Препод. Сергія, неволью вызываетъ всѣхъ православныхъ

людей, а въ особенности тѣхъ, которые живутъ и дѣйствуютъ подъ ближайшимъ покровомъ Его обители, къ воспоминанію, себѣ въ пазидаіе, Его высокихъ добродѣтелей. Изъ этихъ многихъ добродѣтелей Преподобнаго ораторъ считаетъ въ настоящемъ случаѣ особенно благопотребнымъ вспомнить объ Его страннолюбіи, ибо ровно двѣнадцать лѣтъ тому назадъ при Московской академіи открыто было такое учрежденіе, которое именно страннолюбіе составляло основою своей дѣятельности — братство Преподобнаго Сергія для вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ и воспитанникамъ М. Д. Академіи. На первыхъ порахъ это учрежденіе, въ своихъ заботахъ дать обезпеченный пріютъ ищущимъ высшаго образованія недостаточнымъ юношамъ, встрѣтило повсюду горячее сочувствіе и обильный притокъ пожертвованій скоро далъ ему надлежащую прочность; но въ восьмидесятихъ годахъ, вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, порожденнаго новымъ академическимъ уставомъ 84-го года, притокъ пожертвованій значительно ослабѣлъ и братство весьма затруднялось при удовлетвореніи все возрастающихъ потребностей нуждающагося юношества. Только въ послѣднее время сочувствіе благотворителей снова пробудилось и однимъ изъ наиболѣе щедрыхъ жертвователей на нужды братства явился Высокопр. Владыка, Московскій Митрополитъ Леонтій. Какъ представитель братства, ораторъ выразилъ глубокую благодарность Его Высокопреосвященству и всѣмъ благотворителямъ, приглашая присутствующихъ пожелать имъ многая лѣта. — По поводу торжества пятисотлѣтія со дня блаженной кончины Преподобнаго Сергія, Московская Академія получила много привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ какъ отъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ, такъ и отъ стороннихъ лицъ. Ее привѣтствовали напр. Тамбовская духовная семинарія съ о. ректоромъ, протоіереемъ П. И. Соколовымъ во главѣ, всѣ бывшіе питомцы Моск. академіи, состоящіе на службѣ въ Орловской духовной семинаріи, ректоръ Симбирской дух. семинаріи архим. Сергій, питомцы академіи, находящіеся въ Самарѣ съ настоятелемъ собора свящ. Н. И. Боголюбскимъ во главѣ, смотритель и вся корпорация Краснослободскаго дух. училища и многіе другіе изъ губерній Рязанской, Нижегородской, Пензенской, изъ Харь-

кова, и даже изъ Гельсингфорса. Отъ одного изъ жителей Петербурга, не безъизвѣстнаго въ литературѣ „Рцы“, получена была слѣдующая достопримѣчательная телеграмма: „Не полчища безбожныхъ татаръ и не тушинскіе воры грозятъ нынѣ Руси, благодареніе Богу — нѣтъ! *Собранная* на Куликовомъ полѣ она *увѣнчала* свое нераздробимое государственное единство въ священныхъ, очищенныхъ отъ предательской „смуты“, стѣнахъ Московскаго кремля. Русь явила силу въ немощахъ и крѣпость въ испытаніяхъ, ибо довлѣла ей благодать Божія, сопутствовавшая ей въ немощахъ, не покидавшая и въ испытаніяхъ... И вотъ мы наслаждаемся миромъ внутри русскихъ границъ и видимъ утверженіе извнѣ. Русь сильна своимъ единствомъ, воплощаемымъ въ ея Царѣ, въ Немъ-же и залогъ ея внутренняго спокойствія, тишины, безмятежнаго преусиженія...

„Благодареніе Господу, промышляющему о насъ, не забывающему и спасающему люди своя ради молитвъ, благоудовившихъ Ему святыхъ угодниковъ Божіихъ, но мы-то — болѣзненно тѣснить грудь тягостный вопросъ — не забыли ль Его?

„Татары не грозятъ, воры притаились... Нѣтъ! Иныя тревоги, иную скорбь сложать у раки Преподобнаго притекающіе въ настоящій знаменательный день къ чудотворнымъ мощамъ Великаго Печальника и Молитвенника за землю русскую... *Изше крѣпость наша, оскудѣлъ видимо духъ животворящій и яко дымъ исчезаютъ дніе наши!* Не иное что, какъ оскудѣніе духа препятствуетъ благодати Божіей дѣйствовать въ насъ, уже въ покаяніи впрочемъ и со слезами вопіющихъ каждодневно: „Престани отъ гнѣва и остави ярость, зане погибаетъ до конца грѣхъ нашихъ ради!“

Этотъ же вопль повторимъ мы и въ обители Святаго Радонежскаго Чудотворца, память Коего нынѣ совершаемъ и достославные подвиги Коего съ умиленіемъ воспоминаемъ. Его-же святыхъ молитвъ и помощи небесной со смиреніемъ евангельскаго сотника и съ настойчивостью сиропиникіянки молимъ: хотя и недостойнымъ, и грѣшнымъ, и маловѣрнымъ и лукавымъ — помоги, помоги намъ Святыи Отче Сергіе, ибо изше крѣпость наша и яко дымъ исчезаютъ дніе наши!

„Именно о *крѣпости духа* главнѣйшимъ образомъ напоминаеть намъ въ сегодняшнемъ достославномъ всероссійскомъ торжествѣ Тотъ, у кого въ трудную для жизни нашей годину обрѣлось дерзновеніе духа благословить колеблющагося идти на брань противъ сильнѣйшаго...

„О умноженіи въ насъ вѣры и да сподобимся и *дерзновенія вѣры*, дѣйственной и живой — о семъ помолимся Преподобному Отцу и Заступнику нашему Сергію! Рцемъ вси: да возвратится намъ крѣпость наша и да воспрянетъ духъ такъ измученный, такъ больной, такъ тѣснымъ, такъ подавленный!“

По поводу того жеторжества въ академическое братство Преподобнаго Сергія поступило нѣсколько крупныхъ пожертвованій на нужды учащагося юношества, а именно: отъ Высокопр. Митрополита Леонтія 500 р., отъ Высокопр. Архіепископовъ: Ионаана—300 р., Θεоктиста—200 р. и Θεогноста—100 р., и отъ Преосв. Епископа Тихона—100 р. Всѣ эти привѣтствія и пожертвованія невольнo могутъ возбудить въ душѣ читателя вопросъ: что значать эти привѣтственные и благотворительныя обращенія къ академіи, когда празднество касалось главнымъ образомъ не ея, а св. обители Преподобнаго Сергія? Почему поздравители и благотворители, торжествуя память Великаго подвижника, сочли возможнымъ и удобнымъ выразить свои чувства, обращаясь къ академіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, мнѣ думается, съ достаточною ясностію выраженъ въ одной изъ полученныхъ академіею телеграммъ. „Да развиваетъ академія повсюду, читаемъ мы въ ней, духъ Сергіевъ“. Потому, очевидно, добрые люди посылали свой привѣтъ и предлагали свои жертвы академіи, что считали и считаютъ ее въ близкомъ духовномъ родствѣ съ обителию Преподобнаго Сергія, — видятъ въ ней носительницу духа Сергіева.

За такую высокую честь и добрую память Московская Академія всѣмъ имъ шлетъ свое сердечное спасибо и низкій поклонъ.

В. Соколовъ.